

На правах рукописи

БЕРЕЗУЕВ Евгений Анатольевич

**ФЕНОМЕН МОДЕРНИЗАЦИИ:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

09.00.13 – религиоведение, философская антропология,
философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород – 2007

Работа выполнена на кафедре философии
ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор философских наук, доцент **Михаил Дмитриевич Розин**

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Михаил Владимирович Прокопов**
кандидат философских наук, доцент **Евгений Александрович Кожемякин**

Ведущая организация:

государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Курский государственный
университет»

Защита состоится 27 апреля 2007 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Белгородском государственном университете (308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан « » апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук

С.М. Климова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Человечество всегда волновала проблема соотношения идеального с реальным состоянием действительности: на протяжении всей истории неоднократно предпринимались попытки объяснить возникающие или уже существующие явления во всех областях, соотнести их с предшествующими парадигмами социальной, экономической, политической, культурной жизни. Поэтому вопросы «что есть современность?», в чем состоит различие между «прежде», «завтра» и «сейчас», которые в той или иной форме присутствуют в мировоззрении любого крупного мыслителя и простого человека, можно с полным правом отнести к числу вечных жизненных проблем.

Историческое время ускоряется с колоссальной скоростью, и это темпоральное уплотнение вызывает противоречивые и не всегда позитивные реакции. В современном мире происходит глобализация всех социокультурных и экзистенциальных процессов. Если ранее человечество представляло собой совокупность отдельных локальных цивилизаций, то в начале XXI столетия оно превращается в единое целое, степень органичности которого пока остается под вопросом. Мы видим, что, несмотря на усилие кажущейся целостности всего человечества, реальность демонстрирует множество противоречий между культурными укладами стран и регионов. Противоречия усиливают все большее отчуждение между людьми, что проявляется в эскапизме и неудержимой маргинализации отдельных индивидов и целых социальных групп, в прошлом уверенно и успешно интегрированных в ту или иную социальную среду и культурный мир. В результате этого исчезает уверенность в стабильности, разумности протекающих процессов и самом человеке, как и во времена Парменида, испытывающем шок сиротства, неприкаянности, неукорененности.

Таким образом, проблема модернизации как глобального и революционного процесса изменяющегося человечества ставится в центре рассмотрения. Вместе с тем возникает необходимость социально-философского анали-

за радикальных изменений, происходящих в Российском обществе в XX – начале XXI вв. Действительно, в стране идут радикальные реформы, в результате которых рождается *новый тип общества*, качественно отличающийся и от западного, и от советского, и от восточного. Проблемы и особенности российской модернизации болезненны и уникальны. Исходя из этого возникают вопросы: каково содержание переходного периода? В чем общее и особенное в историческом развитии России по сравнению с другими странами? Как можно ослабить болезненное протекание реформ для незащищенных слоев населения? Что мы можем противопоставить этому? Есть ли альтернативные проекты модернизации?

В то же время в мировой социологической, политической и философской мысли достаточно разработана концепция модернизации, как бы ждвшая своего часа, чтобы быть примененной для описания нынешних процессов в России. Наше понимание модернизации предполагает поливариантность путей стран и культур в историческом времени. Это и является нашей творческой задачей, решение которой будет способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию концепции социокультурной модернизации.

Степень научной разработанности проблемы. Концепция модернизации возникла в рамках социального эволюционизма, обоснованного еще О. Контом и Г. Спенсером. Первые теоретики модернизации в поисках прогностических моделей западного общества строили фундамент своих теоретических построений на идеях К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, Ф. Тенниса. Суть концепции долго не изменялась: модернизация представлялась как переход от архаичного бытия к бытию современному, от традиционных крестьянских и ремесленных укладов жизнеустройства – к городским и индустриально-технологическим.

Культурные миры модерна и эволюция индустриальной цивилизации (капитализм, социализм, тоталитаризм, постиндустриализм и т.п.) осмыслены в трудах западной классической и неклассической философии и социально-гуманитарной науки XX века. Можно назвать основные персоналии этого

ряда: Р. Аптер, Х. Арендт, Р. Арон, У. Браун, Ф. Бродель, Т. Веблен, А. Винер, Р. Гвардини, Э. Гидденс, В. Гуриан, А. Камю, Г. Кон, Р. Ларнер, В.И. Ленин, В. Леви, Г. Маркузе, К. Манхейма, Р. Мур, Э. Нольте, Т. Парсонс, К. Поланьи, К. Поппер, У. Ростоу, Н. Смеезер, Э. Фромм, А. Дж. Тойнби, А. де Токвиль, А. Турен, Ю. Хабермас, П. Хаген, Ф. Хайек, А. Шадд, О. Шпенглер, С. Эйзенштадт и многие другие.

Дискурс модернизации, на наш взгляд, был продолжен в концепциях постмодерна (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Г. Дебор, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар), постиндустриализма (У. Бек, Д. Белл), информационного общества (Д. Нейсбит, В.Л. Иноземцев, М. Кастельс, С. Лэш, И.С. Мелюхин, В.П. Терин, Э. Тоффлер, А.В. Чугунов), неолиберальной глобализации (Э.А. Азроянц, З. Бауман, И. Валлерстайн, А.В. Назарчук, Дж. Сорос, Дж. Стиглиц, Л. Туроу).

Проблематика социокультурной и аксиологической специфики модернизации в отечественной философии и социально-гуманитарной науке представлена в работах А.С. Ахиезера, Л.А. Беляевой, А.Г. Вишневого, М.К. Горшкова, М.М. Громыко, М.Г. Делягина, Г.Г. Дилигенского, Т.И. Заславской, Е.К. Касьянова, В.С. Магуна, Е.З. Майминаса, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, С.М. Липсета, Э.А. Орловой, А.С. Панарина, Л.В. Полякова, Г.Л. Смоляна, В.Г. Федотовой, В.Г. Хороса, О.И. Шкаратана, В.А. Ядова и др.

Особенно хочется остановиться на работах следующих авторов. Так, А.С. Панарин детально рассматривает проблему промежуточного положения России между Западом и Востоком. Базируясь на концепции евразийства, он разрабатывает современный европейский проект, имеющий активный антизападный элемент. В.Г. Хорос определяет последовательные стадии модернизации, исследует особенности различных моделей движения конкретных стран к современному типу общества посредством выделения трех элементов развития. А.С. Ахиезер, учитывая исторический опыт России, рассматривает модернизацию как переход от традиционной цивилизации к либеральной. Он выделяет особую роль социокультурного раскола в этом процессе.

Н.И. Лапин описывает ситуацию в России после распада СССР, при анализе модернизационных процессов акцентирует внимание на сдвигах в общественном сознании, ценностной системе россиян. Л.В. Поляков осуществляет глубинный анализ социальных сдвигов, ведущих к нарастающей архаизации российского общества и сопровождающих его кризисов идентичности с помощью универсального механизма взаимодействия «идеального» и «механизма-утопии». В.Г. Федотова модернизационные идеи объединяет цивилизационными. В них оцениваются возможные варианты цивилизационного поиска различных стран, в том числе и России, через проблему идентичности и развивается идея вхождения России в современность в качестве «второй» («другой») Европы.

Но на наш взгляд недостаточно разработанными являются следующие основные проблемы:

- культурно-историческая специфика модернизации в странах и регионах Востока и России;
- сохранение этнокультурных, цивилизационных и религиозных ценностей социума в условиях модернизации;
- цивилизационная и антропологическая идентичность в условиях модернизации;
- социальные последствия модернизации для различных социальных групп и индивидов.

Проблематику можно расширять и дальше. Но анализ огромного массива научной литературы, отражающей различные теории модернизации, показывает, что наиболее неохваченными остаются вопросы, связанные с философско-культурологическими и философско-антропологическими аспектами модернизации. Это и определило основные векторы нашего диссертационного исследования.

Объектом исследования является феномен модернизации во всем многообразии его культурно-исторических трансформаций.

Предмет исследования – философско-культурологические и философ-

ско-антропологические аспекты модернизации и альтернативных проектов социокультурной динамики в России.

Цель исследования – построение поливариантной концепции модернизации, которая позволит осмыслить специфику социального реформирования российского общества в начале XXI века.

Задачи исследования:

- осмыслить основные теоретические в рассмотрении феномена модернизации;
- описать модель модернизации, реализованную на культурно-цивилизационной основе Западной Европы и США;
- исследовать конфликт ценностей в культурно-исторической эволюции российской модернизации;
- определить наиболее существенные противоречия модернизации в постсоветской России.

Теоретико-методологические основы исследования. Мы опирались на общефилософский подход, определивший методологию междисциплинарного исследования объекта и предмета познания; философско-культурологическую методологию, способствовавшую осмыслению принципов, форм и содержания культурно-исторических моделей модернизационных процессов; культурно-антропологические методы, обусловившие возможность рассмотрения поведения социальных групп и индивидов в условиях трансформации общества.

В работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза, обобщение и экстраполяция, системного и структурно-функционального анализа, сравнительно-исторический метод.

Диссертация выполнена с учетом основных направлений мировой и отечественной философии, социологии, политологии и истории, заложивших фундамент междисциплинарного исследования общества и его трансформаций.

Научная новизна диссертационного исследования:

- рассмотрены основные теоретические проблемы и периоды развития

философских и социально-гуманитарных концепций модернизации;

- определена специфика модернизации на почве западной цивилизации, приводящая к появлению антропологического типа «человека сомневающегося»;

- обоснована возможность корректировки процесса модернизации в постсоветской России с учетом традиционалистского проекта жизнеустройства человека и социокультурной динамики;

- установлено, что в постсоветской России в рамках маргинальных слоев возникают преступные группировки, которые могут занять место структурообразующего элемента.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ различных подходов к изучению процесса модернизации позволяет нам определить модернизацию как совокупность процессов, характеризующихся утратой традиционных ценностей, секуляризацией, индивидуализмом, экспансией, технологизмом, индустриализмом и т.д. Главной отличительной особенностью постиндустриальной цивилизации, задающей модернизации новые темпы, является рост научного знания и перемещение центра тяжести из экономики в сферу науки и культуры и, прежде всего, в научные организации (университеты); наблюдаются распад ценностных систем, иррациональность, смешение разнообразных культурных стилей, бурное развитие массовой культуры и шоу-бизнеса.

2. Движение к новому, рождаемому на разломе привычного восприятия мира, находит подтверждение в самом *истоке западного модернизационного проекта*. Лишенный четких ориентиров в сакрально-символическом континууме человек нового времени имел только одну возможность утвердиться в мире – действие. Модернизацию следует рассматривать не просто как экономический, но, прежде всего, *социокультурный процесс*, сутью которого было утверждение нового понимания связи между Богом, человеком и обществом; переход от доминирования устной культуры к культуре письменной, в рамках которой вырабатываются нормы и ценности, передается информация, и, как

результат, появляется *новый антропологический тип*, который можно назвать «человеком сомневающимся».

3. Новыми, традиционалистскими ориентирами стратегии трансформации современного российского общества может выступить построение модернизационной модели соотношения власти и собственности, политики и экономики, в которой достаточно сильная государственная власть должна занять доминирующие позиции в системе хозяйственных связей, владея реальными рычагами управления и влияния на базовые отрасли экономики для мобилизации ресурсов при решении общенациональных инновационных задач, но не противоречила бы демократическим ценностям, что также соответствует отечественным цивилизационным устремлениям.

4. Основным содержанием перехода от традиционного общества и этатистской модели к модернизированному обществу по либерально-демократической модели являются аномийные и энтропийные процессы. В современных условиях аномия разрушает прежние или новые социокультурные «перегородки», складывающиеся между системным и жизненным миром социума, в результате чего происходит искусственное сращивание между ними и появляются такие патологические явления, как мафия, бюрократизм, религиозные, расовые и этнические конфликты. В постсоветской России сохраняется множество пластов архаичного сознания, которые несут в себе импульсы, автоматически блокирующие переход в новое стадияльное качество.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования позволяют лучше понять социокультурную динамику современного мира, могут быть использованы для создания методологии комплексных исследований и нейтрализации культурно-антропологических деструктивных последствий модернизации и рыночных реформ на уровне антропологических и мезокультурных измерений, в контексте конкретных стран и регионов, коллективов и малых групп. Это сделает возможным разработку культурных проектов различного уровня, повышающих устойчивость социального развития и индивидуального бытия.

Представленный материал диссертации может использоваться при разработке учебно-методических пособий, в преподавании курсов философии, культурологии, политологии, истории, антропологии, спецкурсов по актуальным проблемам современности.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования докладывались на заседаниях кафедры и учебно-методических семинарах кафедры социально-гуманитарных дисциплин МОУ «Волжский институт экономики, педагогики и права», а также сообщались в 2003/2007 гг. на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава МОУ «ВИЭПП»; на региональных научно-практических конференциях «Права человека: права, обязанности, ответственность» (2006, г. Волжский), «Методологические основы национальной безопасности в рамках философии политики и философии права» (теория и практика) (2007, г. Волжский), «Православие и духовный мир молодежи» (2007, г. Белгород).

По теме диссертации опубликовано 7 научных работ общим объемом 2,9 п.л.

Диссертация обсуждалась и рекомендована к защите на заседании кафедры философии Белгородского государственного университета.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы, определяются цель, задачи исследования, основные теоретико-методологические принципы. Формулируются новизна и основные положения, выносимые на защиту. Показаны теоретическая и практическая значимость исследования и апробация диссертации.

Первая глава «Модернизация как культурно-цивилизационный проект» посвящена анализу ведущих концепций модернизации, представ-

ленных в западной и отечественной науке с целью выработки методологических ориентиров в обосновании собственных интерпретаций данного феномена.

В первом параграфе «Основные философско-теоретические проблемы модернизации» мы пытаемся дать собственное понимание процесса модернизации, основанное на более пристальном внимании к культурологическим и антропологическим проблемам.

Понятие «модерн» – сложное, неоднозначное, противоречивое. Таким же сложным является феномен модернизации, противоречивость оценок которого представлена в философской и социально-гуманитарной научной мысли прошлого и настоящего. Понятие «модерн» употребляется уже в V веке н.э. для разграничения христианского «настоящего», обретшего официальный статус, и римского языческого «прошлого», уходящего во тьму истории. В любой эпохе были периоды перехода от старого к новому, поэтому «модерном», «новым» современники считали то времена Карла Великого, то эпоху Реформации, то век Просвещения и т.п.

Можно отметить, что процессы модернизации, в ходе которых возникают противоречия между институтами, принадлежащими к разным типам и стадиям модерна, по форме являются сложными, многоуровневыми и разнообразными. Поэтому со временем зарождается *теория модернизации* – одна из современных парадигм социально-гуманитарного знания.

Результатом теоретических осмыслений первого периода модернизации (конец XVIII – начало XX века) явилась теория индустриального общества, представленная в работах Л. Сен-Симона, К. Маркса, О. Конта, Г. Спенсера. Им принадлежит исследование процессов ранней индустриализации и заслуга в создании основ современной социальной науки. Переход ко второму периоду модернизации обусловлен коренными изменениями в жизни современного общества. Он отрефлексирован, в частности, в теории М. Вебера (концепция формальной рациональности), Э. Дюркгейма (теория механической и органической солидарности), Ф. Тенниса (типология «община-общество») и

Г. Зиммеля (формальная теория общества). Они считали, что главным итогом модернизации этого периода является достижение такого исторического состояния общества, для которого характерны индустриализм, капитализм, демократическое социальное устройство, массовая культура и потребление.

В более поздних концепциях, связанных с третьим этапом модернизации (эпоха научно-технической революции), понятие «современное общество» чаще всего оказывается идентичным по смыслу понятиям «постиндустриальное», «информационное общество». Модернизация в условиях развитого индустриализма вызывает к жизни оригинальные теории – теории постиндустриального общества, супериндустриального, постисторического, информационного, «технотронного» и «кибернетического» общества и т.п. (Д. Белл, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, П. Дрэккер, Г. Маркузе, Э. Тоффлер, А. Турен, Ю. Хабермас и др.). В 60 – 70-е годы XX века концепции модернизации, имеющие в целом либеральную окраску, подвергаются критике, в частности, критикуется «американский образ жизни». В то же время изменения, накопившиеся в развитых капиталистических странах, привели к началу третьего периода модернизации и потребовали нового теоретического осмысления. Это позволило некоторым ученым утверждать о наступлении *постмодерна*.

Постиндустриальное и информационное общество рассматривается одними западными исследователями как совершенно новый этап исторического развития, который фактически совпадает с эволюцией самого гражданского общества, поскольку государство и экономика становятся подчиненными элементами (Д. Белл, Э. Тоффлер). Согласно второй позиции, информационное общество представляет собой этап или фазу индустриального общества вообще, наступающую вслед за фазами индустриализации и технологизации. Данная, вторая позиция, кажется более убедительной, так как постсовременность (постиндустриализм) следует рассматривать не как наступление новой эпохи (постмодерна), а как особую, позднюю фазу модерна, характеризующуюся дальнейшим углублением и реализацией либеральных принципов и других основ существования.

В 70 – 80-е гг. XX века происходит парадигмальный поворот к новой системе социально-экономических отношений и политических координат. На формирование данного движения оказала влияние концепция «малых дел», разработанная Т. Питерсом, Б. Стоуксом, Р. Уотерменом, Э. Шумахером и др. Концепция развивала метод «частичных» и «поэтапных» изменений социальных институтов и систем. Логика перехода к эпохе постиндустриализма определяется принципом «малое прекрасно», т.е. совершать многое посредством малого.

Показательно, что развитие теорий модерна привело к дифференциации самого понятия «модернизация». Исследователи различают первичную и вторичную модернизацию. *Первичная модернизация* обычно характеризуется как теоретическая конструкция, охватывающая разнообразную социокультурную динамику, сопровождающую период возникновения капитализма в отдельных странах Западной Европы и Америки. *Вторичная модернизация* охватывает социокультурные изменения, происходящие в развивающихся странах (странах «третьего мира») в условиях цивилизованного окружения в лице высокоразвитых стран и при наличии сложившихся образцов социальной организации и культуры. Некоторые исследователи полагают необходимым ввести новый термин – «*третичная модернизация*», обозначая переход к современности стран индустриально среднеразвитых, но сохраняющих многие черты прежней политической и идеологической системы, которые тормозят модернизацию.

Постмодернизация рассматривается как развитие на основе современной идентичности. Она даёт возможность странам Востока избежать некоторых этапов западного развития, включая особенно болезненные процессы смены собственной идентичности на западную. *Неомодернизация* является попыткой отдельных стран (например, бывших социалистических) вернуться к модели «догоняющей» модернизации, отбросив все негативные черты, присущие капиталистической формации. *Демодернизация* означает полный или частичный отказ от достижений модерна, связанных с отчуждением труда, издержками рыночной экономики и демократии.

Новые парадигмы теории модернизации должны учитывать фактор социокультурного пространства (глобализация). Можно сказать, что постиндустриальное общество – это стратегическое приспособление к новой постмодернистской культуре и цивилизации, которые формируются в результате глубокой трансформации социального мира. Постмодернистские теории и обращают свое основное внимание на изучение культуры. Это свидетельствует об усилении тенденции к *антропологизации* новейших концепций модернизации. Трансформации и динамика культуры, ценностные ориентации и стиль жизни становятся объектом особого интереса.

Во *втором параграфе «Проект модернизации в западной культуре: генезис и социокультурная динамика»* диссертант исходит из того принципа, что модернизация как глобальный процесс и «идеальная модель» (М. Вебер) – явление сугубо европейское, в своих социокультурных основаниях коренящееся в языческом прагматизме античности, которая стала прообразом (концепт «возрождения») современного западного общества, а также в рационализме католической схоластики и этосе протестантизма.

Уже античное переживание сакрального, обожествление Космоса, чувственно-телесного начала в человеке органично включало в себя возможность изменения. Агональность греческой культуры способствовала развитию творческой мысли, дух соперничества, риска, свободы неизменно рождал нечто новое. Именно в сакрализованной нормативности, освященной традиции «живой дух» человеческого творчества находил опору, питательную среду, но в то же время сакрально-профанные оппозиции рождали необходимость запретов, первоначально, безусловно, сакральных (институт табу в первобытных обществах). Место новому находилось только на разломе профанизованного сакрального и сакрализованного профанного миров. Лишь поверженные нормы и правила создают возможность изменения и социокультурной динамики.

Совершенно иной по духу, то есть по восприятию сакрального, была Римская империя. Здесь религия *способствовала укреплению отношений в по-*

вседневной жизни: определяла долг людей по отношению к богам, сына по отношению к отцу, отца – относительно подвластных ему членов фамилии и т.д. Сакральность, лишенная устойчивых форм, чуждая нормативности, столь характерная античности уступает место форме, лишенной содержания, запретам, нормам и законам, утратившим свою священную сущность. Правопреемницей Рима, в культурно-историческом смысле этого слова, стала средневековая цивилизация Западной Европы, унаследовавшая от своего великого предшественника развитое право, науку, искусство, философию и христианство.

Несмотря на господство официальной религии, сакрализованной культуры, оставалось место для *другой сакральности*, вытесненной на край, периферию обыденности и повседневности, где она соприкасалась со столь опасной для нее сферой профанного. Обмиршение сакрального, а вместе с ним и устранение сакральных запретов, норм, традиций, открывало путь потенциям, возможности нового, что и составляет *скрытый механизм модернизации*. Именно с последующей секуляризацией европейской культуры связано развитие техники и технологий, модернизация как социокультурный феномен.

Кризис сакрального в цивилизации Нового времени находит проявление в феномене секуляризации, который затронул все сферы жизни общества. Данные процессы имели общеевропейский характер и происходили, в том числе, и в Германии, где Реформация, движение под лозунгом «религиозного обновления» общества, провозглашало независимость мира от церкви. Уверенность человека в достижении спасения, ранее «гарантировавшаяся» принадлежностью к церкви, заменялась *сакрализованным каждодневным трудом*, который служил доказательством угодности Богу. Ускользающая сакральность, непрерывно убывающая и растворяющаяся в профаном, заставляла настойчиво доказывать и обосновывать причастность к ней человека. А коль скоро наступила профанизация сакрального, то и профанное сакрализовалось.

Именно Реформация создала человека, готового к модернизации и осуществившего ее, *человека модерна*. Однако наряду с новыми духовно-

нравственными потенциями человек модерна/модернизации получил *духовную травму*, неизбывное сомнение в сакральной достоверности окружающего мира. Человек приобрел свободу самостоятельно мыслить и освободился от авторитарной опеки католической Церкви, получив самую высшую для него санкцию – религиозную – на то, чтобы только собственный разум и совесть диктовали ему, как следует жить. Возникшая *вариативность* поставила человека *сомневающегося* перед новой культурно-исторической обязанностью и религиозно-метафизической задачей: утвердить в контексте секуляризированной цивилизации *новые смыслы существования человека* и эволюции человечества, воссоздать утраченные сакрально-символические «одежды».

Задачу утверждения человека в мире цивилизация модерна первоначально попыталась возложить на науку. Секуляризация науки, процесс модернизации как победы новации над традицией начинается в XVII в. и связан с именами Галилея, Декарта, Ньютона, Бэкона, Гоббса, Локка. Принцип разделенности разума и веры, человеческого и духовного начала и, следовательно, абсолютной независимости начала светского наглядно проявляется не только в научной мысли той эпохи, но и в этике, которую начинают рассматривать как светскую науку. Именно здесь было положено начало *западному модернизационному проекту*, тому комплексу мифов, которые обслуживали и во многом обслуживают его до сих пор.

Идеи секуляризации, господства разума и рационализм, вера в науку и технологию, идеи «свободы, равенства и братства» – лишь небольшой перечень идеологических конструктов данного цивилизационного проекта. Рассмотрим два ключевых понятия модернизационного проекта – социальное равенство и социальная справедливость, которые наиболее репрезентируют основные черты и проблемы модернизации в аспекте *социокультурной динамики*.

Вместе с тем, наряду с наличием сакрально-профанных характеристик, присущих феноменам свободы и *справедливости*, рассмотрение их затрагивает также понятие ценности. Можно сказать, что на этом пути «свобода в вере», сменилась «свободой от веры», «справедливость божественная», спра-

ведливостью «людской». Таким образом, ценностную систему координат постигла та же участь, что и сакрально-профанную, причем разрушение второй повлекло за собой многовариантность первой системы, лишенной абсолютного ориентира. Результатом стала наличная ценностная и религиозная нейтральность современного общества, которая порождает и будет порождать в людях, элитах и социальных группах мифы и иллюзии о необходимости различного рода *альтернатив модернизации*.

Во второй главе «Культурно-исторические и антропологические альтернативы модернизации: российский опыт» отмечается, что новые модернизационные теории не снимают проблему остроты противостояния модерна и традиционализма, модерна и не-модерна, что актуализирует не только поиск *иных* проектов в русле самого модерна, но и более радикальных, проявляющихся в обращении к традиционализму (традиционалистский проект) и не-модерну (радикальная проективная альтернатива). Эти и другие теории посткапиталистической и постмодернистской ориентации, так или иначе, связаны с альтернативными модернистскому проектами жизнеустройства человека и социокультурной динамики.

В первом параграфе «Традиционалистский проект социокультурной динамики в России» диссертант обращается к традиционалистскому проекту развития, который характеризуется *культурно-исторической нереализованностью*. Если в регионах ислама в последнее столетие мы наблюдали попытки реализации традиционалистского проекта социокультурной динамики и освоения индустриальных ценностей в контексте религиозной аксиологии (Ирак С. Хусейна, Иран, Саудовская Аравия и т.д.), то в других регионах такие проекты пока терпели историческое фиаско.

Особенно актуально данное утверждение по отношению к *православному традиционалистскому проекту*, в разработке которого большую роль играло российское дворянство, культурное и образованное, но социально инертное, которое осознавало общие цели и задачи, но не могло связать их с конкретными социально-экономическими и политическими проблемами и их

решением. Российские интеллигенты желали нового, но не вполне представляли вещественную и энергичную сторону модернизационных процессов. И российская буржуазия, несмотря на присутствие в своих рядах образованной элиты, всегда стремилась к узко практическим целям и не строила исторических планов из расчета на длительную перспективу.

Нам представляется логичным обратиться в глубину проблемы *культурной идентичности* российской цивилизации чтобы выяснить: совместимы ли вообще такие понятия, как «модернизация» и «русская культура и цивилизация»? При этом мы обращаемся к социально-политической и социокультурной специфике Руси-России. Делается вывод, что для исследования специфики российской модернизации, заимствующей из традиционалистского проекта социокультурной динамики свою энергию, централизация и децентрализация, государственные или частнообственнические интересы – ориентиры, ценности, последствия, *возможные альтернативы* (упущенные или еще неосуществленные), перед которыми постоянно стоят наша власть и общество. Далее мы рассматриваем специфику культурно-антропологических, нравственно-практических и духовно-религиозных измерений отечественного традиционалистского проекта.

Все преобразования в постсоветской России должны основываться на понятиях и идеях «русской культуры и цивилизации», том традиционалистском проекте, реализация которого позволит не догонять Запад, а задать неповторимый вектор в историческом развитии и социокультурной динамике, что даст нам возможность вписать свой «голос» в диалогическое многоголосье новой глобализации, не увлечься тупиковым модернизационным проектом, а найти свой путь развития в постиндустриальном хронотопе.

Во *втором параграфе «Возможность «не-модернизации»: радикальные альтернативы жизнеустройства человека и социокультурной динамики»* отмечается, что выявленная нами сущность модернизации, заключающаяся в десакрализации мира, изначально содержит в себе *возможность иного*. Угасание сакрального и его профанизация неизменно сменяются са-

крализацией, поглощающей ранее профанные области, что обусловлено самой сущностью сакрального. Таким образом, потенциально существует возможность альтернативы модернизации.

Рассмотрение проблемы *инога*, альтернативности, не-модернизации представляется нам логичным проследить также на примере модернизационного процесса в современной России, одной из отличительных черт которой является маргинализация. В постсоветском обществе сформировалась система отношений между социальными группами, которая позволяет некоторым из них более или менее успешно функционировать в условиях конкретного социума, адаптироваться к модернизационным процессам.

Однако в обществе всегда существовали и, вероятно, будут существовать люди, не желающие разделять господствующие ценностные ориентации, неспособные адекватно интегрироваться в общество в силу своих интеллектуальных, психических либо социальных особенностей или имеющие врожденные отклонения от принятых норм. Эти три категории индивидов представляют собой ту основу, которая постоянно продуцирует *маргинальность* в качестве массового явления. Более того, достаточно гибкая и способная к реакциям социальная система современных обществ позволяет включить эти маргинальные группы в свою структуру и дать им устойчивое существование в статусе субкультуры, социально-культурного меньшинства.

Динамика социокультурного развития, процесс модернизации постоянно предъявляет все более высокие требования к людям. Идеологии маргиналов свойствен экстремизм, в поведении – способность быть объектом манипулирования, в психологии – неустойчивость, склонность к воздействию не разума, а побуждений и настроений. Они настроенно относятся к возможности изменений, склонны к агрессивной защите своего статуса в страхе перед дальнейшим ухудшением положения. Неумение пользоваться демократическими инструментами для защиты своих прав и интересов нередко толкает маргиналов к *экстремистским формам протеста*.

Внутри маргинального слоя можно выделить две основные группы. Во-

первых, это *традиционно паразитарные субкультуры*. В этой группе оседают и негативные «результаты» процессов социокультурной динамики, например, люди, выбитые из привычного уклада изменившимися социальными условиями. Во-вторых, *новая маргинальная группа*, состав которой разнороден.

В современной России также наблюдается возникновение некоего *социального «преддонья»*, включающего слой населения, у которых высок риск скатиться на «дно».

Наибольшую опасность для каждого члена общества и государства представляет та маргинальная среда, которую назовем *криминальный мир*. Этот пласт маргинального слоя ведет активную борьбу против общества, ориентирован на подрыв цивилизованных основ общества. Структура преступного мира и его субкультура возвращают нас к событиям родоплеменного бытия человека. Это действительно архетипически древнее, чрезвычайно устойчивое целое, имеющее социокультурные основы.

Следует отметить, что воспроизводство на более высоких стадиях цивилизованного развития предшествующих форм сознания, в том числе архаического, скорее всего, явление постоянное. Если же обратиться к более глубоким пластам культуры, то окажется, что атавизмы воплощены в культурном сознании и в сфере культурного бессознательного. И именно данное условие позволяет проявляться архаическим тенденциям на различных этапах социокультурного развития общества. То есть, *модернизационно-вестернизации неизменно противостоит традиционализм как потенциальная возможность «бунта» архаики, негативного возрождения традиции*.

Смена цивилизационной модели с экстенсивной на интенсивную, означает, что архаический пласт прошлого общества в будущем исчезнет. Он уничтожается в процессе модернизации; возможности его воспроизводства сокращаются, а представители этого пласта, сохраняющиеся в обществе, играют в нём малозаметную, а чаще всего никакую роль. Именно поэтому, доказывая свою жизнеспособность, архаические слои консолидируются и стараются стать силой, активно противостоящей прогрессивным процессам, ко-

торые перемещают общество на более высокий цивилизационный уровень. При этом культурно будет наблюдаться причудливое сочетание традиции и новации, традиционный антропологический тип как бы налагается на *человека сомневающегося*.

На современном витке модернизационных процессов мы наблюдаем очередную активизацию носителей архаического сознания. Это негативное отношение простирается от неприятия нового образа жизни через активный и пассивный протест против происходящего, до поиска новых моделей и проектов мироустройства, идущего на всех уровнях, и энергичного организационного оформления сторонников традиционности и псевдотрадиционности.

Таким образом, историко-культурное осмысление данной проблемы позволяет говорить о том, что модернизация является сугубо западным феноменом, она рождена и в полной мере реализована западной цивилизацией модерна. Культурно-цивилизационная парадигма модерна противопоставила традиционным культурным формам псевдоформы, заманчивые и привлекательные. Кризис самой культуры модернизационного проекта, лишенной органичной системы саморегуляции и неспособной осознать тупиковый путь своего развития, приводящего к самоустранению из «мира реальных вещей» и переходу к симуляции реальности. Это сказывается и в возможности реализации *радикальных, агрессивных проектов не-модернизации*.

В итоге аномийного развития гражданского общества происходит постепенное вытеснение его структур в «периферийную» зону общественной жизни. Гражданские субъекты в силу своей небольшой численности и организационной слабости не могут развиваться полноценно и, следовательно, теряют реальный контроль над состоянием дел в социуме.

В условиях «системно-жизненной» дезинтеграции социума и ослабления государственности (несмотря на попытки усиления «вертикали») динамическое равновесие автономных субъектов становится трудно осуществимым. Нарождающееся гражданское общество оказывается не в состоянии

противостоять одновременно натиску структур бюрократических и «полумафиозных» жизненных миров.

В заключении подводятся итоги исследования, представлены основные выводы и результаты диссертационного исследования и практическая значимость выводов работы.

Результаты исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах из списка ВАК

1 Актуальные философско-культурологические проблемы модернизации // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов-на-Дону. – 2006. – № 11. – 0,5 п.л.

Статьи и материалы конференций

2 Два подхода к теории политической модернизации // Современная социокультурная динамика и духовная жизнь: Сб. статей молодых ученых, аспирантов и докторантов. Вып. II. – Белгород, 2003. – 0,4 п.л.

3 Особенности отношений между обществом и властью в историческом и современном аспектах в России // Человеческий фактор: общество и власть: Сб. статей молодых ученых, аспирантов и докторантов. Вып. II. – Волжский, 2003. – С. 0,5 п.л.

4 Региональный бизнес-слой и его эволюция // Вестник МОУ «Волжский институт экономики и менеджмента – ВШК». Серия 2: Философия, социология и право. Вып. I. – Волжский, 2003. – С. 0,5 п.л.

5 Новые подходы к пониманию социальной стратификации России в конце XX - начале XXI века // Вестник МОУ «Волжский институт экономики, педагогики и права». Серия 2: Социально-гуманитарные науки. Вып. II. – Волгоград, 2006. – 0,3 п.л.

6 Перспективы и альтернативы взаимодействия общества и власти в России в условиях управляемой демократии // Вестник МОУ «Волжский институт экономики, педагогики и права». Серия 4: Право. Вып. II. – Волгоград, 2006. – 0,4 п.л.

7 Специфика и поведение социальных групп, обладающих активистским мышлением: проблемы взаимовлияния // Социально-экономические и технические системы. – 2006. – №11 (27). – Режим доступа: <http://kampi.ru/sets/index2.php?arhiv/27nomer.php>. – 0,3 п.л.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Подписано в печать 22.03.2007. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 70.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве
Белгородского государственного университета
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

207A
7355

№ - 7355

Из фондов Российской национальной библиотеки